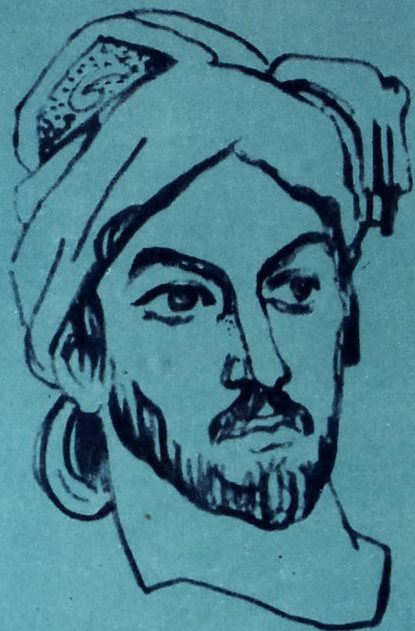

ГАМИД АРАСЛЫ

Имадеддинъ
Насими

ГАМИД АРАСЛЫ

Умагеддин
Насими

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку · 1973

Рис. М. Абдуллаева

*В меня вместятся оба мира,
но в этот мир я не вмещусь:
Я суть, я не имею места —
и в бытие я не вмещусь.*

Насими

Гамид Араслы

ИМАДЭДДИН НАСИМИ

В литературе Ближнего Востока издревле провозглашались идеи гуманизма, возвеличивался человек, достойный земного истинного счастья.

Еще в XII веке прославленные мастера азербайджанской поэзии Низами и Хагани размышляли о судьбах человечества, о высоком жизненном назначении человека, вдохновенно воспевали его как существо самое совершенное и прекрасное. В своих романтических произведениях они изображали человека, способного творить чудеса, разгадывающего тайны вселенной.

Поэты-мыслители Востока Джалаледдин Руми и Махмуд Шабустари, проповедуя «Вахдат-аль-вуджуд», т. е. пантеизм, призывали человека к активности мысли, к осмыслению собственной сущности. Они полагали, что человек, как и мир, — это частицы самого творца, которого именовали «вуджуд-икюлл» — всеобщее существо. Поэтому в моральном самоусовершенствовании они видели путь к воссоединению с неким всеобщим началом.

С другой стороны, религия ислама, так же как и всякая другая религия, объявляла человека рабом всемогущего бога и, связывая все его поступки с божественной волей, внушала ему покорность судьбе и всем ее предначертаниям, призывала к отказу от земных благ во имя блаженства в потустороннем мире.

В эту эпоху великий поэт Ширвана Имадеддин Насими, называя человека творцом мира, существом изначальным и вечным, призывал его освободить свой разум от рабства и познать собственное могущество. Духовный наследник великого Низами, он утверждал и проповедовал прогрессивные идеи своей эпохи, неустанно боролся за свои убеждения и на этом пути, выдержав неимоверную тяжесть испытаний, мужественно принял смерть.

Своими произведениями, направленными против исламского духовенства, поэт подрывал моральные основы существующего порядка, восставал против гнета феодалов и иноземных захватчиков, способствовал пробуждению умов. Раскрывая враждебную человеку суть религиозных догм, он призывал к постижению мира разумом, путем познания, а не слепой веры.

Благодаря своей прогрессивной направленности и высоким художественным достоинствам поэзия Насими способствовала становлению и совершенствованию создававшейся в то время литературы на азербайджанском языке. Творчество поэта сыграло значительную роль в развитии азербайджанского литературного языка. Талантливый художник, прошедший весьма сложный и противоречивый творческий путь, Насими явился основоположником азербайджанской философской поэзии на родном языке.

Имадеддин Насими родился в городе Шемахе в середине XIV века. Его отец по имени Сеид Мухаммед был близок по своим воззрениям хуруфитам.

Родной город поэта — Шемаха, столица

государства Ширваншахов, сыграл важную роль в истории азербайджанского народа.

Ширван издавна славился своими прекрасными шелками. В средние века сюда шли торговые караваны из многих стран мира. Далеко за пределами Ширвана были известны прекрасные дворцы Шемахи, ее медресе, караван-сарай, ханега¹. Этот город, где родились и творили многие известные ученые и поэты, был крупным культурным центром Ближнего Востока, особенно возвысившимся в XII веке. Монгольское нашествие причинило Шемахе огромные разрушения, но уже в XIV веке она восстанавливает свое прежнее значение как культурный центр Ширвана, в котором, несмотря на потерю его прежнего могущества, продолжали развиваться ремесла, наука и литература. Важную роль в развитии экономики и культуры страны играл подчиненный в ту пору Ширвану Баку, уже тогда известный как морской порт и богатый источник нефти.

Начальное образование поэт получил в шемахинской медресе. Кроме родного языка, Насими в совершенстве владел арабским и фарсидским языками и на всех трех писал стихи.

¹ Ханега — дервишский монастырь.

Насими основательно изучил современные ему науки, отлично знал как азербайджанскую, так и арабскую, фарсидскую, таджикскую поэзию и философию. Он был хорошо знаком с трудами по теологии, особенно с учениями различных религиозных сект, произведениями известных ученых Востока, сектантские доктрины которых противостояли ортодоксальному исламу.

В его произведениях наряду с Джалаледином Руми, Шамсом, Тебризи, Саади. Фаридаддином Аттаром упоминаются также имена таких известных восточных ученых-философов и поэтов, как Авиценна, Мухиаддин Ибн-аль Араби, Шибли, Керхи.

Здесь надо особо подчеркнуть, что в эту эпоху пассивный, а иногда и активный протест против религии ислама получил широкое распространение в странах переднего Востока и Средней Азии, в том числе в Азербайджане, Турции, Иране. Особенно много приверженцев имел суфизм, представители которого по-своему толковали Коран, утверждая, что его истинная сущность извращена исламской религией. Эти сектантские толки ислама были связаны с настроениями крестьянских масс и трудового населения городов, страдавших от феодального гнета и притеснений завоевателей. В XIII и XIV веках по всему Востоку

вспыхивали народные восстания, среди которых известно восстание Сербедаров в Средней Азии, завершившееся победой и созданием своеобразного народного государства, просуществовавшего несколько десятилетий. Среди еретических сект того времени были и крайние, имевшие непосредственное отношение к этим народным волнениям.

Из произведений Насими можно заключить, что он более всего склонялся к учению секты Мансура Халладжа, который в IX веке провозгласил: «Ана ал-хакк» — «Я — истина», «Я — бог», за что был повешен по приговору духовенства в Багдаде. Воспитанный на наследии Низами, Хагани, Фелеки, Зульфугара Ширвани, Авхади Марагаи, Шейха Махмуда Шабустари и Арифа Ардебилли, Насими еще в юношеские годы увлекался поэзией, выступая под псевдонимом Хусейни. Выбор этого псевдонима объясняется симпатиями поэта к воззрениям Гусейна Мансура Халладжа. Писал он также и под псевдонимом Сеид.

Юношеские годы поэта совпали со временем захвата Азербайджана Тамерланом. Покоренные в 1385 году, Иран и Азербайджан на долгие годы превратились в театр военных действий. Жестоко расправившись с южными районами Азербайджана, войска Тамерлана

пытались проникнуть на север, во владения Ширваншахов. Но правителю Ширвана Ибрагиму удалось предотвратить страшную беду — он вступает в союз с Тамерланом. Южная же часть Азербайджана остается под пятой тимуридов. По приказу Тамерлана в захваченных им городах искусных мастеров — архитекторов, художников, музыкантов, а также городских ремесленников насильно отправляли в столицу его владений — Самарканд.

В это время начинает действовать новая секта — хуруфитов, выражавшая недовольство городских ремесленников и призывавшая к борьбе против захватнической политики Тамерлана. Основоположник хуруфизма Фазлуллах Наими из Тавриза с целью распространения своих взглядов объездил ряд городов Востока, побывал в Ширване и Баку. Достоверные источники свидетельствуют о том, что Баку в те годы становится центром хуруфизма. Ряд сторонников Наими создает тайную организацию в Баку, откуда направляются приверженцы этого учения в различные города Востока для распространения хуруфитских воззрений. В этот период Насими знакомится с учением Фазлуллаха Наими, лично встречается с ним и, став его горячим приверженцем, в знак уважения к нему, начинает подписывать свои стихи псевдонимом

Насими, что означает «Утренний ветерок». Из стихов поэта явствует, что этот псевдоним он взял после встречи с Фазлуллахом.

Одновременно с Насими учение хуруфитов принимает другой азербайджанец Абульгасан Али-уль-Ала, который в своих произведениях объявляет город Баку, где жил Фазлуллах, Каабой хуруфизма. Своих наиболее достойных учеников Фазлуллах направлял в различные города Ближнего Востока насаждать хуруфизм, теоретические основы которого он обстоятельно изложил в своих произведениях «Джавидан-наме» («Книга вечности»), «Мухаббат-наме» («Книга любви») и «Новм-наме» («Книга сновидений»).

В 1394 году Фазлуллах и его сторонники, находившиеся тогда в Ширване, были арестованы по приказу Тамерлана и казнены его сыном Мираншахом в древней азербайджанской крепости Алиндже, близ Нахичевани. В ожидании казни Фазлуллах Наими пишет «Завещание» — «Васийат-наме», которое тайно отправляет в Баку. Он завещает, чтобы его семья и последователи его учения покинули Баку, а младшая дочь — вышла бы замуж за Сеидали и тоже уехала из города.

Существует явная связь между строками завещания Фазлуллаха и газелью Насими,

написанной на фарсидском языке, последнее двустишие которой гласит: «Эй, Насими, раз аллах (Фазлуллах) утверждает, что земля обширна, уходи из Баку, потому что здесь тебе не место». Возможно, что после «Васийат-наме» Фазлуллаха Насими женился на его дочери и, покинув пределы Ширвана, отправился в Малую Азию.

Из произведений поэта можно заключить, что одно время он жил в Багдаде, затем побывал в других городах Ирака, посетил Турцию, жил в Анатолии — Токате и Бурсе, а также в ряде городов, где распространял идеи хуруфизма, за что неоднократно подвергался гонениям и был заточен в темницы.

Затем он едет в город Халеб (Алеппо), подчиненный в то время египетским мамлюкам.

Халеб был тогда крупным торговым центром, связывающим Восток с Европой. Здесь встречались торговые караваны, шедшие из Индии и Ширвана. Исторические источники свидетельствуют, что к концу XIV в. усилились торговые связи между Сирией и Ширваном. Из ширванского шелка в городах Сирии выделялись прекрасные ткани. Западные купцы из Сирии везли ширванские шелка в Европу. Вне всякого сомнения, что в этом многолюдном и многонациональном центре

средневековой торговли жили купцы и из Ширвана.

В Халебе поэт находит своих сторонников и начинает широко распространять хуруфитское учение. Возможно, что сюда съезжались хуруфиты, преследуемые в Баку и Шемахе. Обосновавшись в Халебе, поэт, по всей вероятности, в течение многих лет жил здесь со своей семьей.

Открытая пропаганда Насими своих взглядов тревожила его ближайших сподвижников. Как сообщают тезкиристы¹, его родной брат, писавший под псевдонимом Шахи Хандан, предостерегал поэта, но он ответил ему такими стихами:

Когда море волнуется до самых глубин,
И, не вмещая себя, вскипает вселенная,
Когда предвечная тайна открывается каждому,
Проникший в тайну разве может молчать?²

Деятельность Насими не остается незамеченной ни духовенством города, ни султаном Египта Муаййадом. В 1417 году Насими был арестован, осужден и предан в Халебе мучительной казни.

¹ Авторы тезкире — средневековых антологий.

² Здесь и в дальнейшем стихи даются в подстрочном переводе (за исключением тех случаев, где указан автор перевода).

В одном из арабских источников — «Кунуз-уз-захаб» о смерти поэта говорится следующее: «Вероотступник Али Насими был казнен во времена Яашбека¹. В то время в «Дар-уль-адл» (Дворце правосудия) в присутствии нашего шейха Ибн Хатиба ал-Насири и наиба (наместника) верховного кадия шейха Иззуддина Шамсуддина Ибн Аминудовле, верховного кадия Фатхуддина аль-Малики и верховного кадия Шихабуддина аль-Ханбали рассматривалось дело (об Али аль-Насими). Он сбил с пути истины некоторых безумцев, и они в ереси и безбожии подчинились ему. Этот вопрос был поднят перед кадиями и богословами города неким Ибн аль-Шангаш Алханафи. Судья ему сказал: «Если это ложь, ты заслуживаешь смерти. Докажи, что сказанное тобой о Насими — правда, и я не казню тебя».

Насими произнес: «келме-и-шахадет» — это была клятва в том, что сказанное о нем — навет, ложь. В это время появился шейх Шихабуддин Ибн Хилал. Заняв почетное место в меджлисе, он заявил: «Насими — безбожник и должен быть казнен». Ибн Хилал спросил: «Почему же не казните?». Аль-Мали-

¹ Правитель города Халеб.

ки ответил на вопрос вопросом: «Напишешь ли ты приговор собственноручно?». Тот сказал: «да» и написал приговор, с которым тут же ознакомил присутствующих. Но они с ним не согласились. Аль-Малики возразил: «Кадии и богословы не соглашаются с тобой. Как я могу казнить его на основе твоих слов?». Иашбек сказал: «Я его не казню. Султан поручил мне ознакомить его с делом. Подождем приказания султана». На этом меджлис разошелся. Насими остался в темнице. О деле Насими было доложено султану Муаййаду и вскоре последовал приказ содрать с поэта кожу и выставить в Халебе для всеобщего обозрения в течение семи дней, потом обрубить ему руки, ноги и отправить Алибеку Ибн Зульгадару, его брату Насируддину и Осману Гарайолуку, которые тоже под влиянием Насими сбились с пути. Так и сделали. Этот человек был гяуром и мулхидом (богоотступником). Упаси боже, говорят, у него есть тонкие стихи».

Из этих сведений явствует, что поэт был казнен не только за свои убеждения, но, возможно, еще из политических соображений. Они раскрывают все подробности трагической гибели поэта. Выясняется, что халебское духовенство далеко не случайно обсуждало вопрос Насими на меджлисе. Возможно, этот

меджлис собрался по поручению султана Муаййада, стоявшего в то время во главе центрального Египетского государства мамлюков. И не потому ли, пока он затребовал дело Насими и ознакомился с ним, поэта держали в темнице. Наконец, издав приказ о мучительной казни поэта с указанием — отослать отрубленные руки и ноги казненного своим политическим противникам, султан преследовал мстительную цель убедить их в обреченности их планов.

Существует также ряд преданий о смерти Насими. Вот одно из них¹. Однажды в городе Халебе некий молодой хуруфит громко читал стихи Насими. Содержание стихотворения привлекло внимание духовенства. Хуруфита, читающего газель, арестовали. Чтобы не выдавать автора стихов, он заявил, что написал их сам. По решению духовенства его приговорили к смертной казни через повешение. В это время Насими находился у сапожника, который чинил ему обувь. Узнав о случившемся, поэт поспешил к месту казни и, заявив, что стихи принадлежат ему, добился освобождения молодого человека. Духовенство Халеба, узнав, что Насими — приверженец хуруфизма, вынесло решение содрать с него,

¹ «Меджалиси — юшшак», тезкире XV в.

живого, кожу. Обреченный на мучительную смерть, поэт не отрекся от своих убеждений. Во время пытки, истекая кровью, он громко произнес: «Я — бог», «Истина — я». Взбешенные стойкостью и мужеством поэта, издеваясь над ним, богословы задали ему вопрос:

— Ты же бог, почему же, по мере того, как уходит из тебя кровь, ты желтеешь?

На это Насими ответил:

— Я солнце любви, поднявшееся над горизонтами вечности. А на закате солнце всегда желтеет.

В этом предании говорится и о том, что захид¹, подписывая приговор о казни поэта, заметил:

— На этом человеке проклятие, и если хоть капля его крови упадет на кого-нибудь, то часть тела, ею оскверненную, необходимо отрубить и выбросить.

Совершенно случайно во время казни поэта капля его крови брызнула на палец того самого захида. Народ стал требовать, чтобы он отрубил себе палец. Испуганный священнослужитель стал тогда уверять, что его слова — иносказание, и отказался лишить себя пальца.

¹ Захид — дословно аскет; в прогрессивной поэзии Востока — обобщающее название, имеющее в виду лицемерных и алчных служителей религии.

И в этот момент залитый кровью поэт насмешливо произнес:

Если отрубить палец захиду, то он отвернется
от правды.

Посмотри, с этого истинно влюбленного в истину
(правду) сдирают кожу, и ему не больно!

Так, умирая, Насими одержал моральную победу над своими идейными противниками.

Мужественная смерть Насими, его творчество, исполненное великой любви к человеку и великой веры в его могущество, творческие силы — все это сделало имя его бессмертным для последующих поколений и даже для тех, кому были чужды его взгляды.

Насими оставил потомкам богатое литературное наследие — лирические диваны, а также не вошедшие в них касиды¹ и месневи², — на азербайджанском, фарсидском и арабском языках. К сожалению, известна лишь небольшая часть дивана на арабском языке.

Знакомство с диванами Насими, написанными на азербайджанском языке и хранящимися в рукописях в различных библиотеках мира, убеждает в том, что поэт прошел

¹ Касида — стихотворение, близкое по характеру оде; касиды носили преимущественно панегирический характер, но писались также на философские и другие темы.

² Месневи — стихи, написанные двустопными.

чрезвычайно сложный и противоречивый творческий путь. Начав свое поэтическое творчество с любовных стихов, впоследствии он создает прекрасные произведения, посвященные политическим, общественным и нравственным проблемам времени. Своими глубоко содержательными философскими стихами, написанными на родном языке, Насими заложил в истории азербайджанской литературы основы философской газели.

В произведениях Насими, созданных в юношеские годы, большое место занимает тема любви, воспевание человеческой красоты, которую автор поэтически изображает при помощи впечатляющих сравнений. Так, свою возлюбленную он сравнивает с небесными светилами; она излучает свет, подобно луне и солнцу. Насими обращается к поэтической гиперболе: красота Луны и Солнца питается отраженным светом человеческой красоты.

Едва покрывало твоих волос падает
на твой лик-месяц,
И луна будто скрывается в тучах, а на солнце
падает тень.

А вот еще строки, выражающие смятение чувств влюбленного:

Вновь пустилась неукротимая душа в мечты
о твоих глазах,
Не знаю, что задумало сердце, чего оно жаждет.

В этих стихах, написанных на основе использования приемов устной народной поэзии, Насими выступает непревзойденным мастером, создавшим первые замечательные образцы любовной лирики на азербайджанском языке.

Со временем в творчестве поэта наряду с любовными стихами появляются дидактические, нравоучительные стихи, в которых он критикует все плохое в человеке, осуждает жадность, зависть, себялюбие, характеризуя эти черты, как недостойные человека.

В одном из стихотворений сугубо поучительного характера поэт призывает людей стать лучше, быть щедрыми, терпеливыми, скромными, советует избегать всего дурного.

Три вещи печалят сердце,
Послушай, что я тебе скажу.
Плохой сосед, дурного характера спутник,
Дурная жена — это мучение, это наказание.

Называя дурными чертами также ложь, склонность к сплетням и зависть, поэт продолжает:

Во-первых, ложь, во-вторых, сплетня;
Затем быть завистливым, сеять вражду.
От трех вещей рождены вредные люди,
Не позволяй себе этого ни на миг.
Ни клевету, ни темные дела-мысли,
Не шути, как бесцеремонный человек.

Поэт призывает современников проснуться от неведения и объединиться, объявляет высшей доблестью борьбу за народные интересы, бичует правителей, которые не думают о народе и родине, стремясь лишь к личному обогащению.

В этих условиях нужно особо ценить смелость, мужество. Но, увы, людей, наделенных этими драгоценными качествами, не много:

Каждый мужчина одет в чуху и чалму,
Однако среди тысячи достойного носить папаху
не найдешь!

Не каждый достоин быть поборником справедливости:

Достойн идти в бой лишь тот, кто тверд в любви,
Но не место в бою тому, кто лишен мужества
и сострадания.

Важное место в стихах Насими занимают его философские воззрения, размышления о жизни и мироздании. Пытливый ум поэта стремится познать причины сущего:

День и ночь я думаю, что это за циркуль?
Что это за небосвод, что это за коловращение?
От чего суть бога, от кого потомство ангела?
Почему так много желающих (узреть) лик Адама?
Отчего солнечный диск дает свет земной поверхности?
Что за свет и огонь в одном пламени?

В то время, когда естествознание не получило еще достаточного развития, Насими ищет основанные на научных доводах ответы на эти вопросы, но пока еще не находит их. Утверждения же исламского духовенства и теоретиков различных религиозных сект по этим вопросам не удовлетворяли Насими, поэтому он берет под сомнение религиозные учения:

Религия, вера, намаз, хадж, заклинание,
Спор о шариае, весь этот разговор — для чего?
Наука о Коране, хадж, молва, проповедь, учение —
Если все это имеет одну суть, то зачем столько
повторений?
Зачем огонь, земля, вода, воздух поименованы
человеком,
Отчего ему (человеку) поклонение, а дьяволу —
отвержение?

В поисках ответа на эти сложные вопросы, задумываясь над противоречивыми явлениями природы, поэт обращается к теоретическим воззрениям хуруфитов, находя их наиболее убедительными. Он разделяет концепцию хуруфизма, выдвинувшего мысль о том, что вся вселенная сосредоточена в существе человека, познав которого можно разгадать тайны мироздания.

Хуруфизм — это секта, учение которой основывалось на признании святости букв и рассматривало буквы арабского алфавита как символы тайн вселенной. Учение о святости букв и их символическое толкование имеют древнюю историю. Однако хуруфиты искали в буквах тайны мироздания и связывали эти буквы с чертами на лицах людей. Они утверждали, что все тайны мира воплощены в буквах Корана, а сами буквы изображены на лице человека. Эту тайну познал Фазлуллах и поэтому возвысился до самого бога. Хуруфиты утверждали, что до этого уровня поднимается каждый, кто познал самого себя.

По-своему восприняв воззрения Фазлуллаха, Насими стремится воспеть человека как творца жизни, воплощение красоты. Поэтизация красоты и могущества человека занимает основное место в творчестве поэта. Его привлекают в людях такие прекрасные качества, как способность любить, знание, верность, искренность, правдивость, преданность. Людей, гонящихся за богатством и не умеющих ценить человеческую красоту, он называет невеждами и высмеивает. Поэт неоднократно обращается к мысли о том, что человеческий разум способен творить чудеса, считает человека подлинным сокровищем мира:

О тот, кто называет камень и землю драгоценной
жемчужиной,
Разве с такой красотой и нежностью человек —
не жемчуг ли?

Поэтическое «я» в творчестве Насими — всегда носитель самой жизни и красоты, воплощение мироздания и судьбы человечества. Это — поэтический мир, заключающий в себе тайны вселенной. Поэтическое «я» — первоначально, вечно и в разных формах проявляется в природе. Это — высшая красота, которая, осознав себя, перерастает в высшее существо и обожествляется. В ряде своих произведений Насими призывает к познанию самого себя, для него способность к самопознанию — это самая прекрасная черта в человеке. В своих раздумьях о жизни и мироздании Насими, как и его предшественники поэты-пантеисты, исходит из мысли о том, что дух вселился в человека из неживой природы, растительного и животного мира:

Едва минерал выходит из Земли, становится
растением и деревом,
Люди разума ясно видят, что оно, это дерево,
является пищей животных;
Едва став пищей животных, становится и близким
душе,
Чтобы слиться с человеком, она (душа) летит на
крыльях.

В этом стихотворении Насими, исследуя ступени развития духа, утверждает, что основа жизни — земля, из земли возникли минералы, из минералов — растительный мир, а из мира растений — мир животных, и, наконец, из животного мира — человек. Из этой концепции видно, что поэт представлял себе жизнь в постоянном движении и развитии. Насими утверждал, что важнейшее свойство духа, отличающее человека, — это его способность приобретать божественный облик. Подобно песчинке, отделившейся от солнца, дух — божественного происхождения. Пройдя длительный период развития, дух должен осознать свое бытие в человеке. В результате соединения духа и тела человек совершенствуется и осознает самого себя, становится подлинным человеком. Совершенствуясь таким путем, человек живет как вечная субстанция.

Насими отстаивал также мысль о том, что материя не исчезает, она вечна. Так, человек, умирая, возвращается к жизни в виде растения. Объясняя жизнь в духе пантеистических концепций эпохи, поэт считает ее изначальной и вечной. Однако эту мысль он интерпретирует с позиций хуруфизма.

Творчество Насими, утверждающее красоту жизни и призывающее использовать ее на

благо человека, проникнуто духом оптимизма. Подвергая критике лицемерие богослужителей, суфиев, муфтиев (глав суннитского духовенства), всех тех, кто использовал религию в целях обогащения, обманывал народ, проповедовал аскетизм, Насими противопоставлял их догмам поэзию реальной жизни и призывал человека извлекать из нее высокую радость. Выражая недовольство своим временем, поэт вместе с тем советовал современникам жить достойно и радостно:

Всегда держи обитель души в радости,
Ибо знаешь, что эта коварная жизнь спешит.
Не трать попусту время, не обманывайся ни на миг,
Ибо наступит день, когда истлевшие глаза и сердце
превратятся в прах.

Подходящий для нас момент в эту ночь пить вино.
Свеча, певец, ты да я, возлюбленная и вино.
Судьба никогда никого не радовала,
Любая мысль — неблагоприятна, любое деяние —
несправедливо.

И в стихах о природе поэт, в отличие от других поэтов современников, призывает ценить красоту жизни, глубоко ее чувствовать:

Ты доволен, что розы покрыли цветник,
Что жасмины вокруг разрослись?
Оцени этот миг, ибо все пропадет
Через пять торопящихся дней!

Перевод Константина Симонова.

Поэт говорит о краткости и быстротечности человеческой жизни и всех, кто уповает на блаженство в потустороннем мире, убеждает пользоваться благами сегодняшнего дня.

О сердце мое, откажись от обещанного, давай
весело проведем этот миг;
Вчера прошло, завтра — нету, значит, этот миг
приятен.

Та же самая мысль выражена в другом рубаи¹ поэта:

Случайно я рано утром вошел в цветник.
Увидел в руках тюльпана чашу Джемшида.
Услышал, как белая лилия говорит, не умолкая:
Настоящий миг — этот миг, настоящий миг —
этот миг, настоящий миг — этот миг.

Подобные мотивы поэзии Насими, связанные с влиянием оптимизма, жизнелюбия, светского начала, идущие от устной народной литературы, противостояли религиозным воззрениям средневековья.

Вместе с тем в творчестве поэта неизменно звучат и мотивы глубокой скорби, недоволь-

ства судьбой. Тяжелые испытания и горькие разочарования временами потрясают его. Гнет захватчиков, произвол власть имущих, неудачи в идейной борьбе приводят иной раз к тому, что Насими теряет веру в торжество правды. Хотя пессимистические ноты преходящи в творчестве поэта, но порой они с болью вырываются из-под его пера:

Мир не место для стоянки, о душа, покинь его,
Не обманывайся его коварством, остерегайся его.

Подобные произведения не характерны для воинствующей поэзии Насими; но, отражая пережитые поэтом потрясения и разочарования, они являлись поэтическими вехами на пути его творчества, сложного и многозначного. Узнав о трагедии Фазлуллаха, Насими создает стихи, полные скорби. Однако и в этих стихах дает о себе знать стойкость и твердость духа поэта:

Мучения и притеснения соперника перешли
все границы, однако
Если возлюбленная поддержит, то нет горя от
соперника.

В пропаганде своих прогрессивных взглядов Насими сталкивается прежде всего с духовенством как с опорой правящей верхуш-

¹ Рубай — четверостишие в арабоязычной, персоязычной и тюркоязычной поэзии.

ки. Почти во всех его стихотворениях есть строки, разоблачающие лицемерие, ложь и предательство духовенства. Свою неприязнь к нему поэт выражал открыто. Он критиковал кадиев и муфтиев, объявляя их лицемерами и взяточниками. Бичуя религиозных проповедников-ваизов, он писал:

Проповедник тянет разговор, путая его преданиями
и сказаниями,
Почему он столько говорит, если знает правдивое
слово.

Нелегко было в мрачные дни средневековья с такой ясностью и логичностью подвергать разящей критике проповедников религии, пропагандистов ислама, толкователей его религиозных догм и символов.

Двустипшия Насими разили, как мечом:

Ваиз хитро сплетает небылицы...
Какой влюбленный поверит этим выдумкам
и небылицам?

Или вот:

Мудрец не прельстился словами ваиза,
Человек не стал подчиняться дьяволу.

В средние века факихы — толкователи кансвов исламской религии, защитники ее теоретических основ являлись в то же время авторитетными лицами, занимающимися так-

же решением судебных дел. Именно поэтому Насими часто пишет о факихах, называя их слепыми, далекими от правды, прячущимися от лучей солнца летучими мышами:

Факих и муфтий не думают любоваться ликом
красавицы,
Таков же удел слепца, не видящего солнца.

Или:

Факих избегает человека, не хочет поклоняться ему,
Похоже, что нутро этого дьявола, пакостно.

В другой газели¹:

Факих норовит дать свое наличное за обещанное.
Разве он не хуже животного?

С таким же гневом поэт обрушивается и на шейхов, представляющих высшее мусульманское духовенство:

Факих, не имеющий твердых убеждений,
отрицает лучшее создание (т. е. человека);
Того жестокосердного бог назвал сатаной.
О лучшее из созданий, если факих не считает,
тебя алтарем,
То ошибка этого грешного и проклятого дьявола
идет от его наставника.

¹ Газель — стихотворная форма лирической поэзии у народов Ближнего и Среднего Востока, а также в некоторых литературах Индии и Пакистана.

Не спрашивай у факиха и шейха о волнении и
тревогах любви,
Ибо дьявол не знает их, волнение и тревога
любви — во мне.

Все эти служители ислама выразительно и очень метко характеризуются поэтом обобщающим словом «захид». Как уже отмечалось, так называли в средние века тех представителей духовенства, которые превратили религию в источник дохода. Поэт называет захидов невеждами и мошенниками, советует читателям держаться от них подальше.

Тщеславие, притворство и двуличие — вот выдумка
захида-аскета,
Каждый раз он произносит «нет», не зная сути
«кроме»
(Намек на стих Корана: «Нет бога кроме бога»).

Или:

О аскет-двурушник, разбойник во власнице,
О называющий влюбленного неверующим,
постыдись, обратись в веру.
Не называй влюбленных неверующими, ибо это —
ложь.

В другой газели:

Аскет отворачивается от истины потому, что он
не поклоняется человеку,
Посмотрите на этого глупца, без веры, — как он
подчинен сатане.

Видящий истину влюбленный сегодня любит
красотой возлюбленной,
Аскет-себялюбец думает о завтрашнем дне.
Я не знаю по какой причине аскет закрывает
глаза на истину,
Разве тому коварному сатане надоела истина?

Таково же отношение поэта к шейхам, кадиям и всем духовным лицам. Порой в одном и том же стихотворении он обращается к ним ко всем поименно.

Так же критически отзывается Насими о суфиях:

Ты обрел облик суфия,
Если ты помимо этого можешь совершить другое
чудо, то скажи,
Ты споришь, что идешь по пути совершенствования,
О осел, я не знаю, на каком коне ты в этом пути?

В этих сатирических строках поэт нарекает ослами и тех суфиев, которые на словах выдавали себя за поборников правды и справедливости, на деле же, обманывая народ, заботились лишь о личном благополучии:

Ты смотри на того нечистого суфия,
Как он болтает неуксусно, это наше животное.

Всем этим людям поэт противопоставляет образ «арифа», человека знающего, мудрого. Ариф — это человек, познавший самого себя,

видящий красоту и смысл жизни на этом свете, верящий в могущество человека и высоко ценящий человеческую красоту. Это — отважная и волевая личность. Он считает, что человек — творец жизни, не верит «лживым рассказчикам» — проповедникам, «продавцам Корана» захидам, «благочестивым» с четками в руках, молитвенные коврики которых стали силками для народа; он ясно видит и понимает противоречия жизни и общества. Он понимает, что жизнь — только здесь, на земле, на этом свете («миг — этот миг») и человек должен уметь наслаждаться благами жизни. Его рай и гурии — на этом свете.

Специального исследования заслуживает философская касида Насими «Бахр-уль-асрар» («Море тайн»), написанная на фарсидском языке. На Ближнем Востоке была широко известна философская касида «Дерйа-йи-абрар» («Река праведников») великого индийского поэта Эмира Хосрова Дехлеви, впервые написавшего подражание на «Хамсе» («Пятерицу») Низами и назира¹ на касиды Хагани. В

¹ Назира — в восточной поэтике, «ответ» поэта на произведение (поэму) другого поэта.

свою очередь Насими был первым на Ближнем Востоке автором «ответа» на философскую касиду Эмира Хосрова. Такие видные мастера, как Абдуррахман Джами и Алишер Навои, написали свои «ответы» на эту касиду индийского поэта лишь после Насими. Однако «ответ» Насими значительно отличается от «ответов» Абдуррахмана Джами, Алишера Навои и других. На первый взгляд может показаться, что поэт осуждает увлечение благами жизни, но по существу в своем произведении он призывает людей к самопознанию, к размышлениям о жизни и смерти, зовет к тому, чтобы похайямовски понять, что мир переполнен горечью и сладостью, но в то же время указывает: люди, видящие смысл своей жизни в погоне за богатством, кроме мук и страданий, ничего не приобретут.

Это тело — горсть земли перед ветрами,
Жизнь наша тает каждый миг, как снег под
солнцем, под его лучами,
Для человека нет другого украшения, кроме знания,
Хоть и раковина оголена, однако душа ее богата
жемчугом.
Умный человек не истратит свою жизнь ради золота.

В этом произведении, воспевающим богатство духовного мира человека, поэт так рисует трагедию людей, стремящихся лишь к материальному благу:

Знай, чем больше ты накопишь богатств,
тем больше будет у тебя забот.
Как только ты умрешь, эти богатства разделят
твои наследники.

Насими возвышает бедность, он убежден, что несправедливые войны ведутся в мире из-за богатства. По мнению поэта, человек должен стремиться быть отважным. Подлинная же отвага заключается в том, чтобы познать самого себя, постичь истину. Душа человека — это загадка, заключающая в себе тысячу и одну тайну. Человек, постигший эти тайны и истину, достоин всеобщего уважения.

Таким образом, этим своим произведением поэт призывает людей к духовному здоровью, к тому, чтобы они «с чувством уважения ступали по земле, потому что земля эта хранит ушедшие поколения, превратившиеся в пепел. Он советует читателям глубже вникать в явления жизни и извлекать из них уроки.

Если в произведении «Бахр-уль-асрар» превалирует грусть, наводящая на элегические размышления, то в касиде с редифом «Не горюй» сильнее призыв к жизни, оптимистические нотки. Эта касида созвучна газели с аналогичным редифом известного персидского поэта Хафиза. Обращаясь к собственному сердцу, поэт говорит: «Не грусти в одиночестве, наступит день, когда рана зарубцуется, и ты

развеселишься. Покинут тебя страдания. Луга не останутся без цветов, зима пройдет, раскроются бутоны, мир вновь станет цветником. Хотя ты вкусило тысячи отрав рока, но он же принесет тебе исцеление. Если судьбе угодно день-два противоречить твоему желанию, вечно так не будет».

Этими строками начинается касида, где поэт перечисляет превратности судьбы и, не называя открыто, намекает на нашествие Тамерлана, сравнивая его с всемирным потоком. Вместе с тем поэт, говоря о величии Фазлуллаха и самого бога, утверждает, что ради них отрадно и страдание.

Ряд стихотворений Насими, созданных на фарсидском языке, посвящен любви. И здесь, как и в лирике на азербайджанском языке, основное место занимает поэтизация возлюбленной, воспевание ее красоты. В этих произведениях имеются строки, посвященные Фазлуллаху и хуруфизму. Однако наиболее значительными представляются любовные стихи, выражающие интимные чувства поэта.

В диване Насими имеется ряд стихотворений об ожидаемой поэтом собственной трагической смерти. В них говорится о казни, о том, как с него сдирают кожу. Читателю может по-

казаться, что эти стихи написаны не самим поэтом, а кем-то другим после его смерти. Однако из упомянутых выше источников мы уже знаем, что когда был вынесен приговор содрать кожу с живого поэта, приговор не сразу был приведен в исполнение. Правитель Халсба направил материалы суда и приговор на утверждение главе государства египетских мамлюков султану Муаййаду. До получения султанского приговора поэт находился под арестом в халебской темнице. В это время он и написал ряд стихотворений, отразивших переживания мужественного и стойкого человека перед казнью. В этих произведениях, именуемых нами «стихами узника», слышится гордый голос бесстрашного поэта, бросающего вызов самой смерти. Опережая события, Насими описывает то, что предстоит ему пережить, говорит, что его не страшат никакие муки и что он готов вытерпеть любые страдания. Поэт бросает вызов своим врагам, смерти, страданию:

О душа моя, все, что от тебя (влюбленные)
переносят, не больно,
Бог знает, что ради одной радости переносят
тысячи огорчений и не бывает больно.
Ударил я сосуд (сердце) свой об камень
и раскрыл истину,
Если от нее и будет больно незрячим, то не будет
больно зрячим.

Из-за выдумки (козней) захида несправедливо
содрали с меня кожу,
Бог знает, о шах мой, что ради тебя прозорливым
не бывает больно.
Если отрубить палец захиду, то он отвернется
от правды,
Посмотри, с этого истинно влюбленного в истину
(правду) сдирают кожу, и ему не больно!

Последнее двустишие этого стихотворения, как мы уже знаем, впоследствии было воспринято как стих, произнесенный Насими во время казни, в осмеяние трусливого захида, на палец которого брызнула капля крови поэта. Именно в таком осмыслении этот бейт вошел в народные предания и передавался из уст в уста. Бесмертие этих строк объясняется их глубиной и афористической отточенностью. Действительно, в этом бейте такое богатое содержание, что ему не уместиться и в объемистой книге. Здесь — столкновение бесстрашия и трусости, мужества и малодушия, правды и лжи. Столкновение поистине непримиримое. Перед лицом своей близкой смерти поэт пригвоздил к позорному столбу своих идейных противников, доказал — воистину неопровержимо — свое духовное превосходство. В ненавистном поэту образе захида словно воплотились все темные, охранительные силы средневековья: живущие обманом служители культа — лицемеры, прикрывающиеся высокими словами, но пекущиеся лишь о соб-

Каждое утро, когда соловей начинает свои рыдания,
Грудь мою разрывают тяжкие вздохи
И из глаз моих текут слезы.

Вслушайся, с каким отчаяньем бедный соловей
рыдает.

Даже камни, внимая стонам его, рыдают.

Глубокая человечность этих стихотворений поэта, в которых он вспоминает о годах своей юности, о матери и отце, оставленных давно в родном краю, — дополняют новыми, живыми штрихами его образ — не отрешенного от жизни фанатика, а человека и поэта, страстно влюбленного в жизнь, но готового пожертвовать ею во имя своих гуманистических идей.

Важное место в творчестве Насими занимает его борьба с идейными противниками. Прогрессивные идеи поэта вызвали возмущение прежде всего исламского духовенства. В то же время и суфии называли философские взгляды Насими воззрениями безбожника и иноверца, объявляли его гяуром. Об этом говорит в одном из своих рубаи сам поэт:

Многие ругают Сейида, называя его безбожником.

Учитывая это, Насими в своих произведениях широко использует различные положения и символы исламской религии, особенно изречения Корана, старается опровергнуть догмы своих противников, доказывая, что они не понимают Корана и неверно его истолковывают.

Выше уже было сказано, что поэт гневно осуждал и обличал различных представителей исламской религии — деятелей духовного суда, кадиев, шейхов, ванзов-проповедников, захидов и суфиев.

Раскрывая их дурные дела и низкие помыслы, поэт называет их дивами, шайтанами, убеждает читателя быть подальше от этих людей, ненавидящих все светлое и прекрасное. В своих философских стихотворениях он истолковывает символы исламской религии с точки зрения хуруфизма, призывает людей избавиться от гнета суеверий и религиозных предрассудков, постичь радость познания мира и самих себя.

Пропагандируя свои пантеистические воззрения, Насими стремится пробудить в читателях симпатии к хуруфизму и идеализирует Фазлуллаха как основоположника и вождя этой секты. С точки зрения Насими, Фазлуллах познал все божественные тайны, открыл истины, недоступные «таким великим пророкам, как Моисей, Иисус и Мухаммед»; правильно поняв тайный смысл Корана, Фазлуллах сам достиг божественного совершенства, уподобился богу.

Фазл-хакк — это знаток наших тайн,
От Фазла-хакка все наше сияние,
Фазл-хакк определил наши дела,
Фазл-хакк наш творец — Фазл-хакк.

которые являются его идейными противниками. Таково, например, стихотворение, начинающееся воспеванием возлюбленной:

Иди, о похитительница сердца, душа обоих миров—
это ты.

Иди, о живой мой дух, что же ты за душа?
Смута от твоих глаз объяла весь мир,
Разве ты смута судного дня?
Не давай мне своих наставлений, о ваиз.
По той причине, что твое наставление — ложь.

Ясно, что замысел этого стихотворения раскрывается в двух последних строках.

Некоторые же стихи поэта носят, подобно изречениям народной мудрости, обобщающий, афористический характер, заключают в себе глубокий философский смысл и, написанные с покоряющей силой, с первых же строк захватывают читателя:

Кто входит в океан с любовью, встречает
жемчужину,
Кто отдает свою душу с благодарностью,
встречает возлюбленную,
Если боишься сгореть, то не трогай свечу,
Взгляни на пламя, как оно встречает мотылька.

В подобных стихотворениях поэт призывает читателя быть волевым и непоколебимым, во имя познания истины отказаться от фанатической веры.

Порой поэт начинает стихотворение яркими лирическими строками—с тем, чтобы привлечь внимание читателя, а затем переходит к изложению своих взглядов. Вот, например:

В ночи ее волос, лик ее подобен двухнедельной
луне.
Тот, кто знает это, знает и какой у нее взгляд.
С того момента, как глаза мои заметили
черные волосы любимой на ее ланитах,
Постоянно дни и ночи мои — это думы
об утре и вечере (волосы любимой —
вечер, ланиты — утро).

Воспев физическое совершенство этой прекрасной женщины, поэт затем говорит о ее божественности, раскрывает в поэтических образах свою концепцию человека-бога. Отстаивая ее в ряде стихотворений и вступая по этому поводу в спор с исламским духовенством, Насими подкрепляет свои мысли текстами из Корана, дает им своеобразное истолкование. Этот прием, к которому поэт прибегает в разных по своему характеру стихотворениях, специфичен для всего его творчества. Примечательно с этой точки зрения стихотворение, начинающееся двустихием:

О ты, чей лик — начало Корана, он же (твой лик)
отражение Корана,
Абсолютное откровение, божественный слог,
он же — каф (50-я сура) и Коран (целиком).

Здесь приведены четыре изречения, взятые из различных сур Корана. «Себ'уль-месани» — это название первой суры. Фразы «Незелал фуркан», «Нури-мутлэк», «Каф вааль-Коран» тоже взяты из Корана.

Эти слова, говорит поэт, начертаны на человеческом лице и потому человека можно назвать богом:

О любимая, если я назову тебя богом,
то сатана погибнет от тоски (злости, зависти).
А если я назову тебя человеком,
то будет уму непостижимо, что ты человек.

Упомянув в этих строках сатану, поэт имеет в виду духовенство. Оно заслуживает этого, потому что не верит в божественность человека. В последующих строках стихотворения человек рассматривается как воплощение «божественного света», а тот, кто не может постичь, что образ бога воплощен в человеке, объявляется несведущим.

В некоторых же стихотворениях поэт непосредственно обращается к представителям исламского духовенства, называет их лицемерами, объявляет дьяволами, уклоняющимися от пути истины.

Вот строки, адресованные служителям религии:
О тот, кто внушает злые мысли, бесполезно
повиноваться тебе,

Путь твой — заблуждение, отклонение от истины,
пустые слова твои — грех;
Ты погряз в сомнениях и предположениях,
о, потерявший веру,
Кто скажет, что дозволено иметь дело
с внушающим доверия.

Выражение «Эллезию ювесвиюс» (так назван в Коране шайтан) употребляется в значении «внушающий злые помыслы». Охарактеризовав представителей духовенства как обманщиков, кляузников, заблудившихся и запутавшихся между догадками и сомнениями, поэт вступает в полемику с ними, задает вопросы и сам же на них отвечает, и в заключение утверждает, что мусульманство, шариа́т и вера — не от бога, а продукт выдумки отдельных людей. Молитвы, соблюдение поста — пустая затея.

О погрязший в неверии и безбожии,
считающий себя правоверным,
Ислам, шариа́т и вера — это удел святых.

Из всего этого следует, говорит поэт, что не стоит принимать близко к сердцу упреки Деджала (Дьявола).

Методы борьбы поэта разнообразны, однако во всех случаях мишенью ему служат духовенство и суфии. Особое значение при-

давал Насими в этой борьбе пропаганде, распространению идей пантеизма и хуруфизма.

Пропагандируя пантеистические воззрения, Насими резко критиковал духовенство за то, что оно сеяло раздор среди людей, придерживающихся различных религиозных убеждений. По его мнению, все религии по своей сути одинаковы. Настоящий человек не станет различать людей по их религиозной принадлежности:

Для влюбленного безбожие и ислам — одно
и то же,
Где бы ни находился влюбленный, он — эмир.
Тот, кто в единстве отличает капище от Каабы,
По существу, незрел, будь он даже старик.

Видя борьбу между капищами (идольским капищем) и Каабой, с одной стороны, и между Каабой и церковью — с другой, а также между различными учениями и сектами внутри одной и той же религии и, сознавая, что эта рознь является причиной постоянной вражды между людьми, поэт призывает всех людей объединиться под знаменем единой религии — хуруфизма.

Насими не представлял себе красоту жизни без музыки. Он часто высмеивал духовенство и суфиев, которые объявляли музыку запретной для народа:

Ты посмотри на нечистого суфия, он считает
недозволенным саз, не слушает его.

Известно, что ислам запрещал музыку, любителей и слушателей музыки объявлял подавшимися влиянию Деджала. Музыка запрещалась также различными религиозными сектами. Однако пантеисты и особенно представители ордена мевлеви высоко ценили музыку, воспринимая ее как проявление божественной гармонии, все свои обряды сопровождали музыкой, — в первую очередь игрой на ней (флейте). Как последовательный пантеист Насими видел в музыке божественное начало, утверждая, что:

Бубен, ченг и ней твердят: «Аз есмь бог».

У Насими есть стихи, посвященные исключительно музыке, в которых упоминаются все мугамы Востока.

В одной из газелей, в соответствии с гармонией, перечисляются названия мугамов классической музыки: ушшаг, новруз, раст, хусейни, чяргях, шахназ, сегях, хиджаз, исфахан, ираг, рахаби, хисар, мюбергя, мюхалиф, шур. Не случайно, что в конце этого стихотворения Насими вспоминает великого персидского поэта Саади, написавшего газель с подобными рифмами.

Прогрессивные мысли Насими выражены в его творчестве с предельной искренностью и убедительностью, высоким поэтическим языком. Им созданы бессмертные образцы поэзии на азербайджанском языке, написаны замечательные произведения в различных жанрах, характерных для литературы средних веков. Художественный язык поэта исключительно красочен, поэтическая лексика небывало богата. Во-первых, поэт широко использовал возможности живого разговорного языка, богатого идиоматическими выражениями, во-вторых, он мастерски применял широко распространенные образные выражения классической поэзии. В то же время Насими обогатил язык национальной поэзии путем перевода на родной язык ряда художественных оборотов и образов персидской поэзии.

Поэтическая палитра Насими весьма богата, его изобразительные средства новы и оригинальны. Воспевая и поэтизируя красоту, он употребляет слова, которые наряду со своим прямым смыслом выражают множество других значений. Поэт часто прибегает к понятиям, связанным с хуруфизмом. Большинство из них имеет символический смысл. Употребление словаря хуруфитской символики дает

поэту возможность выразить одну и ту же мысль в различных, не схожих друг с другом формах. Язык Насими чрезвычайно богат, изобразительные средства разнообразны. Не случайно поэт любил сравнивать свой художественный язык с «языком птиц»:

Слова Насими не каждому суждено понять,
Это язык птиц, этот язык знает только Сулейман¹.

Выражение «язык птиц», с одной стороны, является намеком на произведение известного сектантского поэта средних веков Фаридуддина Аттара, с другой, — имеет в виду скрытое символическое значение слов в стихах поэта, главным образом выражающих его философско-хуруфитские идеи.

Людам, не осведомленным в хуруфизме, затруднительно понять подобные стихи, в которых довольно много оборотов и выражений, заимствованных из Корана, причем они трактуются не так, как их толковало исламское духовенство, а с позиций хуруфизма. Язык этих стихов Насими сложен и труден, они пестрят арабскими и фарсидскими словосочетаниями, изречениями из Корана и различного рода притчами, которые требуют специального разъяснения. Так, например:

¹ Имеется в виду библейский царь Соломон.

В понедельник, наконец, я раскрыл тайну своего
сердца,
Той, чьи глаза — нарциссы, ланиты — роза,
брови — лук.

Во вторник я охотником вышел на охоту.
Мне бы самому превратиться в дичь и стать
жертвой той, уста которой — фисташки.
В среду любимая предстала воочию в цветнике,
И соловей, узрев лик ее, начал стонать.
В четверг я сказал любимой:

 послушай мое наставление,
Не разглашай тайны моего сердца ни добрым,
 ни злым.

В пятницу Насими узрел ее лик,
Жадно впился в ее, как сахар, губы-рубины.

Подобные стихотворения, воспевающие любовь, верность и дружбу, характерны для поэзии Насими. Раскрывая в них богатство своего душевного мира, поэт повествует о тяжелых муках, пережитых им во имя любви, о страданиях разлуки и светлой радости встреч.

Прекрасны стихотворения Насими о красоте природы. Особенно увлеченно он воспевает весну, когда весь мир облачается в новое, сверкающее одеяние, пору цветения садов, где заводят свои песни соловьи. Во многих стихах поэта звучат призывы пользоваться радостями и благами мира, мотивы жизнелюбия. В противоположность аскетам, живущим надеждами на встречу в потусторон-

нем мире с гуриями и гылманами, поэт считает раем эту Землю:

Если ты желаешь пить вино в райском цветнике
 с гурней,
Возьми за руку любимую, войди в цветник —
 опять наступила весна.

В одной из газелей поэт жалуется на свою возлюбленную:

Любимая сердце мое сожгла в разлуке,
Она сама поселилась в одном месте,
 а меня заставила поселиться в другом.
Та беспощадная любимая превратила лицо мое
 в шафран,
Развеселила врага, а друга своего заставила
 плакать.

Она похитила сердце мое, неверная...
Разрушила град моей души и превратила в руины.
Если камень услышит мон стенания и плач в
 разлуке, то растает;
Посмотри, как она, подобная цветку, превратила
 мое сердце в темницу.
О Насими, отправься на заре к любимой
 и скажи ей,
Чтобы она умерила свое лукавство, ибо им слишком
 много крови пролито.

Другая газель, написанная с такими же рифмой и редифом, — о жажде встречи с возлюбленной, оказавшейся волею судеб вдалеке от поэта.

С такой же подкупающей искренностью и правдивостью поэт передает ощущение полноты счастья. Светлым, жизнерадостным мироощущением проникнуты строки следующей газели:

Браво, добро пожаловать, о милая,
мы рады видеть тебя.
Ты в добром ли здравии, о избранная любимая,
мы рады видеть тебя.
Поистине, мы жаждали видеть тебя, о душа моя.
О ты, чьи глаза — нарциссы, лик — цветок граната,
мы рады видеть тебя.
Приход твой подобен солнцу, уход — сияющей
луне,
Присутствие твое — блуждающей звезде,
мы рады видеть тебя.
Бедный Насими без тебя был во власти горя,
О ты, встреча с кем — исцеление горя,
мы рады видеть тебя.

В ряде газелей поэт изображает себя и свою возлюбленную как бы в сопоставлении с самой и впечатления, которое она на него производит. В одной строке описывается ее красота, в другой — состояние влюбленного:

Говорят, есть любимая, чьи ланиты как роза,
чьи губы как бутон — это ты.
Говорят, есть стонущий, как соловей, из-за тебя,
цветка — это я.
Локоны — амбра, стан — айлант, рост — кипарис,
лик — тюльпан.

Стройная, как сосна, с грациозной походкой,
говорят, — это ты.
Мучениям, болям, горестям, грусти, что несешь
ты, рад
Один несчастный, страдающий, говорят, — это я.
Своими чарами царство души и сердца грабящая
Есть одна, чьи брови — волшебники, глаза —
коварны, говорят, — это ты.
В тоске по тебе больной и униженный, от разлуки
с тобой ослабший
Лежит один в уголке грусти, говорят, — это я.

Эта газель, оригинальная по форме, вместе с тем, привлекает простотой языка, естественностью сравнений и искренностью выраженных в ней чувств. В газели, начинающейся строками:

Слава тому, у кого есть такая луноликая подруга,
как ты,
Сладкоустая, с ликом, подобным цветку,
с родинками,
Благоухающими мускусом, источающими аромат
амбры.

Поэт, называя четыре особенности красоты возлюбленной, использует рифмующиеся между собой слова:

Твои брови, ресницы, локоны и родинки,
Лукавство, плутовство, коварство — чары.

Во вторых строках каждого двустипа этой газели три эпитета рифмуются между

чая наслаждаться жизнью, так как сегодня — время удовольствия, а в азербайджанском двустипии утверждается, что с наступлением весны мир обращается в рай.

Насими писал также мулеммы на двух языках — азербайджанском и фарсидском, азербайджанском и арабском. Он создавал и такие мулеммы, где в одной и той же газели одна строка написана на одном языке, другая — на другом. Встречается двуязычие и в пределах одной строки.

Все это, безусловно, способствовало сближению народов. Не случайно, арабские писатели создали о поэте художественное произведение под названием «Магамати-Насими». С любовью говорила и писала о нем также иранская интеллигенция.

Интересны произведения Насими, которые называются «Алиф лам» («алиф», «лам» — названия букв арабского алфавита) и «Тарс алифба» (алфавит в обратном порядке). В «Алиф лам» первое слово каждого двустипия, а порой — каждой строки начинается с буквы в том порядке, в каком они расположены в арабском алфавите. Таким образом, в первых (заглавных) буквах строк стихотворения воспроизводится весь арабский алфавит:

Алиф — Кто увидит твой высокий стан, лишается души,
Бей — Обретает красоту любой, чья любимая становится султаном.
Тей — Я жажду встречи с тобой — вот моя мольба,
Сей — Чтобы доказать, что встреча с тобой достойна восхваления, я отдам душу в жертву.
Джим — Всех красавиц ты султан, о пери.
Хей — Моя любимая по красоте Юсиф из Ханаана.

В стихах же «Тарс алифба», первая строка которых начинается с последней буквы алфавита, арабский алфавит воспроизводится в обратном порядке. В некоторых из этих стихотворений воспроизводятся все 28 букв арабского алфавита, в других — 32 буквы фарсидского алфавита. Интересно и то, что создание стихов по принципу «Алиф лам» и «Тарс алифба», имеющее место в творчестве Насими, впоследствии широко распространяется в ашугской поэзии. Эти формы встречаются и у таких великих мастеров, как Саят-Нова и Ашуг Алескер, которые называли свои диваны «Алиф лам» и «Тарс алифба». Этот прием использовался также в европейской и русской поэзии начала XX века.

В поэзии Насими мы встречаемся и с газелями, напоминающими по принципу построения загадки. Подобный прием наблю-

дается обычно в поэтических диалогах, в частности в ашугской поэзии. Подобно тому, как ашуг во время поэтических состязаний ставит перед соперником вопрос: «Что такое то-то?..» и требует ответа, так и Насими обращается к своим противникам с рядом вопросов:

От чего равны четырем воды ручья,
Восемью стали врата рая?
Каков плод дерева туба,
Бог создал его плодоносящим или неплодоносящим?
Что есть гурия и гылман,
На что является намеком, «хува ман ху»?

Или же в его рубаи:

Что есть наука имен?
На что намекает сура «та ха»?
«Адам из праха» аллегория чего?
Какую добрую весть содержит книга судеб?

Разница только в том, что у ашугов эти вопросы зачастую имеют религиозное содержание, у Насими же они носят философский характер.

Все это убеждает в том, что творчество Насими развивалось в тесной связи с устной народной традицией и в свою очередь оказало сильное влияние на ашугскую поэзию.

Насими — автор первых замечательных образцов философской касиды на азербай-

джанском языке. Он писал также хвалебные оды и мерсии. Его перу принадлежат первые в истории азербайджанской литературы мустезады, мурембе и терджибенды, написанные на родном языке. Очень ценны и оригинальны рубаи и туйуки Насими, — как с точки зрения их композиции, так и по идейной направленности. В рубаи поэта не только лаконично и логически последовательно изложены его хуруфитские воззрения и отношение к Фазлуллаху, но и ясно выражены его философские позиции, суждения о жизни и мироздании.

Прекрасны рубаи поэта, созданные на тему любви, а также отражающие факты и события из его собственной жизни.

Некоторые исследователи полагают, что прозаическое произведение «Мугаддимат-уль-хагайиг» («Введение к истинам»), написанное на азербайджанском языке и посвященное хуруфизму, также принадлежит Насими. Однако принадлежность Насими этого произведения, известного в различных рукописных списках, пока еще научно не доказана.

Богатство художественной формы произведения Насими сыграло неоценимую роль в дальнейшем совершенствовании нашей поэзии на родном языке.

Произведения Насими еще при его жизни были широко популярны на Ближнем Востоке. С особой любовью читались стихи поэта в Азербайджане, Ираке, Малой Азии, Сирии, в странах, где он жил и творил. За короткий срок они завоевали славу также в Средней Азии и у уйгуров.

Произведения Насими на родном языке оказали огромное благотворное влияние на развитие азербайджанской поэзии последующих эпох. Его испытали такие великие художники, как Шах Исмаил Хатаи, Хабиби, Физули и Вагиф. Особенно ощутимо влияние Насими в творчестве поэта XV века Джаханшаха Хагиги. Поэтическое наследие Хагиги на азербайджанском языке включает ряд назيرا (подражаний) на стихотворения Насими.

Влияние творчества Насими на азербайджанскую литературу сказалось в двух направлениях. Поэты — Халили, Сурури, Туфейли и другие, разделявшие хуруфитские взгляды Насими, неоднократно обращались к его темам, использовали его поэтические символы и образы именно в хуруфитском толковании. Но были и поэты не хуруфиты, которые учились у Насими мастерству, пользовались

поэтическими образами, выражающими его мировоззрение не в символическом, как у Насими, а в прямом значении.

Большое влияние оказало наследие Насими на творчество Хатаи. Шах Исмаил Хатаи неоднократно писал подражания на ранние произведения Насими, посвященные Али и его потомкам, широко использовал также хуруфитские образы, символы и выражения своего учителя. Уподобляя Насими Мансуру Халладжу, он часто вспоминает трагическую смерть поэта и называет его Хусейни. В этом кроется причина того, что впоследствии переписчики часто смешивали стихотворения Насими и Хатаи.

Влияние Насими мы наблюдаем и в поэзии Хабиби, который в ранний период своего творчества многому учился у Насими и Физули, широко используя художественно-поэтические приемы и выражения, введенные ими в нашу поэзию.

Поэзия Насими оказала сильное влияние уже на современную поэту турецкую литературу. Под влиянием Насими находились такие видные поэты, как Шейхи, Зати, Неджати. Позднее произведения поэта стали популярными также среди бекташитов, где и по сей день оказывают свое благотворное влияние.

Творчество Насими оказало воздействие и на творчество туркменских поэтов. О трагической смерти Насими упоминается в поэтическом состязании-дуэте Махтумкули с поэтом Дурду.

Еще сильнее ощутили на себе влияние Насими узбекские поэты. Многому научились у него великий узбекский поэт Лутфи и особенно Алишер Навои. Не случайно, произведение «Маджалус-ул-ушшаг», которое было вручено Султану Гусейну Байкаре, содержит обширные сведения о трагической смерти поэта. Генеральный узбекский поэт Алишер Навои неоднократно писал о Насими, в своем произведении «Насайим-уль-Мухаббат» называет его замечательным мастером.

В конце XV века в Средней Азии были известны не только различные предания о трагической смерти Насими, но и сами произведения поэта были широко распространены. Интеллигенция того времени признавала в нем самого крупного художника из всех тюркоязычных поэтов.

О большой славе и популярности Насими как поэта свидетельствует тот факт, что его диваны в рукописях широко известны в Средней Азии. Стихи Насими стали достоянием армянского народа. Как отмечали еще в 1903 году академики Г. Манандян и Г. Аджарян,

«армянский народ любил стихи Насими и эту любовь он пронес через века».

Творчество Насими привлекло внимание восточных тезкиристов и историков. В тезкире на арабском, фарсидском и тюркском языках рассказывается о трагической смерти поэта, приводятся отрывки из его стихов, разъясняются некоторые вопросы его творчества. Западноевропейские и русские востоковеды также плодотворно занимались изучением художественного наследия поэта, собирали сведения о его жизни и творчестве, популяризировали его среди читателей своих стран. Но слабой стороной этих исследований является то, что в них отсутствует верная идейно-философская и социальная оценка воззрений Насими, в силу чего оставался в тени гуманизм его творчества, его критика средневековых воззрений, критическое отношение поэта к религиозным догматам. Однако все исследователи Насими были единодушны в признании в нем великого поэта.

Хотя рукописи произведений Насими широко известны, но их редко издавали ввиду того, что они противоречили господствующим религиозным воззрениям.

Советские ученые, всесторонне, со всей объективностью изучая наследие Насими, оказывают благотворное влияние на ход исследова-

ния творчества поэта на Ближнем Востоке. Гуманизм, прогрессивные идеи, которыми Насими обогатил литературу Ближнего Востока, и сегодня не утратили своего значения.

Азербайджанский народ, все прогрессивное человечество в 1973 году торжественно отмечает 600-летие со дня рождения всемирно известного великого азербайджанского поэта — гуманиста и мыслителя. Юбилей Насими откроет новые пути и горизонты для еще более широкого изучения его неувядаемого художественного наследия.

Переводчик *С. Асадуллаев*. Редактор *В. Богуславский*. Художник *А. Кадиров*. Художественный редактор *Н. Насиров*. Технический редактор *С. Ахмедов*. Корректоры *Н. Фидлер*, *С. Агейчева*. 11

Сдано в набор 5/III-1973 г. Подписано к печати 30/III-1973 г. Формат бумаги 60×90^{1/2}. Бум. № 1. Физ. п. л. 2,25+^{1/16} вкл. Условн. п. л. 2,26. Учетн.-изд. л. 2,3. Заказ № 159. Тираж 8000. Цена 17 коп.

Государственный Комитет Совета Министров Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Азербайджанское государственное издательство. Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 4.

Типография им. 26 бакинских комиссаров. Баку, ул. Али Байрамова № 3.

